Глава II

КАТЕГОРИЯ НАРОДНОГО БОГАТСТВА В МАРКСИСТСКОЙ СТАТИСТИКЕ

1. ПОНЯТИЕ И СОСТАВ ОБЩЕСТВЕННОГО БОГАТСТВА В ТРУДАХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. Маркс неоднократно употребляет термин «богатство» («Reichtum»), хотя это понятие не играет основной роли в его построениях. Уже в самых первых строках «К критике политической экономии» и «Капитала» встречается этот термин: «На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие». «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров», а отдельный товар — его элементарной формой» [1].

Выше (стр. 20) мы уже говорили о двояком употреблении слова «богатство». К. Маркс пользуется словом «богатство» также в двояком смысле.

Во-первых, он употребляет его в широком относительном значении, соответствующем понятию изобилия, излишка, довольства, — в смысле, противоположном скудости. Приведем несколько иллюстраций.

«Именно в начальный период товарного обращения в деньги превращается лишь избыток потребительных стоимостей. Таким образом золото и серебро сами собой становятся общественным выражением избытка, или богатства» [2].

«... Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства... на противоположном полюсе...» [3].

---

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 11; Капитал, т. I, стр. 41.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 137.
[3] Там же, стр. 651.

Употребление К. Марксом словосочетания «материальное богатство» («der gegenständliche Reichtum»), допускающее тем самым возможность нематериального богатства, также свидетельствует о широком понимании им термина богатства в некоторых случаях [1].

Но, с другой стороны, богатство в сочетании с определением «общественный» («der gesellschaftliche Reichtum») употребляется им как экономическая категория, и в этом смысле богатство всегда рассматривается К. Марксом и Ф. Энгельсом только в вещной форме. Поэтому такие невещественные элементы частнохозяйственного богатства, как патенты, авторские права, марка и клиентура фирмы, монопольные права и т. п., — все то, что американские статистики именуют «goodwill» и что буржуазные статистики часто, но неправильно включают в состав народного богатства, — не должны входить в последнее.

Каким же условиям должен удовлетворять материальный объект, чтобы входить в состав общественного богатства?

Соединяя и сопоставляя ряд замечаний К. Маркса и высказываний Ф. Энгельса, мы приходим к выводу, что таким условием является вложение труда в объект. Только продукты человеческого труда могут быть элементами общественного богатства. Правда, для производства богатства нужны, кроме труда, материя, сырье, доставляемое природой, а иногда и помощь последней.

«Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Вильям Петти, земля — его мать» [2]. И в другом месте: «Труд — источник всякого богатства, утверждают экономисты. Труд действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство» [3].

Обе приведенные цитаты свидетельствуют с предельной ясностью, что труд — необходимый, конституирующий признак всякого богатства. Предмет, в который не вложен человеческий труд, не может быть и элементом общественного богатства. В других местах находим косвенное или попутное выражение той же мысли, именно, что создателем богатства является рабочий, т. е. труд. Например: «Обратимся теперь к непосредственным агентам этой промышленности, или к производителям этого богатства, к рабочему классу» [4]. Тем самым из состава общественного богатства исключаются земля, недра, леса и их фауна, дикорастущие растения, естественные водные пространства и другие природные ресурсы. Только вложение труда в леса, в землю, в улучшение водных объектов и т. п. должны учитываться в составе общественного богатства (об этом далее). В этом заключается коренное отличие марксистского понятия об-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 627.
[2] Там же, стр. 50.
[3] Ф. Энгельс, Роль труда в процессе очеловечения обезьяны, «Диалектика природы», изд. 7, М., 1934, стр. 50.
[4] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 657.

щественного богатства от буржуазных статистиков, которые учитывают в составе народного богатства и землю, и леса, и недра, если эти объекты находятся в чьем-либо владении.

Труд есть необходимый признак для включения объекта в состав общественного богатства, но вместе с тем он и достаточен: все продукты труда, имеющиеся в стране на определенную дату, представляют элементы народного богатства.

Так, потребительское имущество — фонд личного непосредственного потребления — должно входить в состав общественного богатства. Критикуя разделение общественного богатства А. Смитом на фонд непосредственного потребления, основной капитал и оборотный капитал, К. Маркс замечает, что его «... следовало бы разделить на: 1. фонд потребления... и 2. капитал. Одна часть богатства функционирует согласно этому как капитал, другая часть — как не капитал, или как фонд потребления» [1].

В отношении жилых домов К. Маркс указывал на то, что жилые дома «... могут принадлежать к фонду потребления и, таким образом, вообще не входить в состав общественного капитала, составляя, однако, элемент общественного богатства, по отношению к которому капитал представляет только часть» [2]. Аналогично положение и с другими материальными предметами длительного пользования — такими, как автомобили, мебель, музыкальные инструменты и т. п.

Итак, в состав общественного богатства, в понимании К. Маркса, должны входить все материальные объекты, в которые вложен труд, и *в той мере*, в какой в них вложен труд, независимо от их назначения. Это понимание общественного богатства и необходимо вкладывать в понятие народного богатства, составляющего предмет настоящего исчисления для капиталистической России. И если термин К. Маркса «общественное богатство» заменяется нами термином «народное богатство», то только потому, что немецкому слову «общественный» («gesellschaftlich») в этом словосочетании вполне адекватно русское прилагательное «народный» [3]. Слово же «общественный» в СССР получило другое значение — противоположное частнохозяйственному.

С таким толкованием понятия «общественного богатства» находятся как будто в противоречии первые строки «Капитала», приведенные выше, где говорится, что богатство капиталистического общества «является огромным скоплением товаров». Отсюда можно бы было, по-видимому, заключить, что только товары являются содержанием богатства, а другие материальные объекты, например произведенные для себя, для собственного потребления, не должны были бы называться богатством.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 203—204.

[2] Там же, стр. 207.

[3] К. Маркс ставил знак равенства между этими двумя словосочетаниями: «...что обычно называют «общественным богатством», «wealth of nations» («богатством народов») и т. д.» (Капитал, т. I, стр. 372).

Однако такое толкование было бы весьма поспешным, узким и неверным. Такой чисто формальный подход к этой фразе проявил, между прочим, немецкий статистик Кольм, который, ссылаясь на нее, отстаивал невключение в состав народного богатства частного потребительского имущества, поскольку последнее, войдя в сферу домашнего хозяйства, уже потеряло характер товара [1]. Между тем в том же первом томе «Капитала» К. Маркс указывает, что «товар как потребительная стоимость удовлетворяет определенную потребность и образует *особый* элемент (ein *besonderes* Element) вещественного богатства» [2] (курсив мой — *А. В.*). Отсюда вытекает, что товары представляют только часть богатства и что не только товары, но и другие потребительные стоимости являются вещным выражением и содержанием общественного богатства. Поэтому не случайно добавление К. Маркса, сделанное им в первой фразе «К критике политической экономии», что только «*на первый взгляд* буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров...» (см. выше, стр. 51; курсив мой — *А. В.*).

В другом месте К. Маркс прямо говорит о всех произведенных продуктах как о вещественной форме богатства, независимо от того, является ли она товаром или нет: «Производится ли какой-либо продукт как товар *или не как товар, он всегда является вещественной формой богатства*, потребительной стоимостью, предназначенной для личного или производительного потребления». И далее: «... масса товаров, т. е. *та часть* общественного богатства, которая функционирует как товар...» [3]

Таким образом, под народным богатством в настоящем исследовании понимается совокупность *материальных* предметов, созданных человеческим трудом, независимо от их назначения, а также изменений, овеществленных в природных ресурсах и произведенных трудом человека. Иначе говоря, народное богатство есть сумма накопленного овеществленного труда. При этом каждый из элементов, входящих в состав народного богатства, должен или непосредственно удовлетворять какой-либо человеческой потребности, или косвенно, как средство производства: «... вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости» [4].

Однако характер этих потребностей совершенно безразличен: предметы, служащие для удовлетворения духовной, искусственно созданной и даже вредной потребности, должны так же включаться

---

[1] H. Colm, Grundsätzliche Bemerkungen zum Begriff des Volkseinkommens u. des Volksvermögens (см. сб. «Beiträge...», стр. 45).

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 139. Выделенное немецкое слово «besonderes» мы перевели прилагательным «особый» вместо слова «определенный», стоящего в цитируемом переводе издания 1953 г., ибо «особый» лучше оттеняет в данном случае смысл немецкого прилагательного.

[3] К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 132 (курсив везде мой — *А. В.*).

[4] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 47.

в народное богатство, как и объекты, удовлетворяющие материальной, естественной и полезной для здоровья и духа потребности. «Природа этих потребностей, — порождаются ли, напр., последние желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле» (там же, стр. 41). Отсюда вытекает, что церкви, монастыри вместе с предметами религиозного культа, военное имущество и т. д. также должны быть включены в исчисление народного богатства предреволюционной России.

Буржуазные статистики часто допускают замену или смешение понятия «народное богатство» и «общественный капитал» [1]. Поэтому надо остановиться на различии между содержанием того и другого понятия. Так как общественный капитал представляет совокупность индивидуальных капиталов, то мы должны обратиться к понятию капитала — одной из основных категорий Марксовой политэкономии.

Как известно, в учении К. Маркса капитал не есть просто вещь, а определенная социальная форма, приобретаемая вещами в буржуазном обществе: «... если средства производства и жизненные средства являются собственностью непосредственного производителя, самого рабочего, то они не составляют капитала. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплуатации рабочего и господства над ним» [2]. Таким образом, одни и те же материальные объекты могут быть и могут не быть капиталом в зависимости от социально-производственных отношений [3]. Если для отнесения объекта к категории общественного капитала имеет решающее значение характер социально-производственных отношений, то для категории общественного богатства важно его технико-экономическое содержание. К. Маркс неоднократно подчеркивает, что содержание богатства гораздо шире, нежели капитала: «... капитал представляет собой не постоянную величину, а очень эластичную часть общественного богатства, постоянно изменяющуюся в зависимости от того или другого деления прибавочной стоимости на доход и добавочный капи-

---

[1] Шумпетер отмечает, что, начиная с XVII столетия вплоть до первой декады XIX столетия часто употребляются термины Wealth, Riches, Stock, когда нужно было употребить «Capital» (J. S c h u m p e t e r, History of Economic Analysis, 1952, p. 323).

[2] К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 770.

[3] Этого, как известно, как раз не уясняют себе буржуазные статистики и экономисты, которые в капитале хотят видеть только техническую категорию, не зависящую от исторической формации общества и общественных отношений, — орудие для получения предметов непосредственного потребления. Эту точку зрения, которую так едко высмеял К. Маркс (в отношении палки дикаря, являющейся, по мнению Рошера, капиталом, ибо она помогает ему сбивать плоды), мы встречаем у американского статистика Кинга, вплоть до пресловутой палки: для него капитал является лишь техническим средством для получения продуктов, удовлетворяющих потребности человека: «он варьирует по природе своей и стоимости, начиная от заостренной палки (sic!), с помощью которой индианка сеет кукурузу, до гигантского пресса, печатающего современные газеты» (см. цит. соч., стр. 10).

тал». И далее: «... капитал вовсе не является предопределенной и постоянной долей общественного богатства, а, наоборот, представляет весьма изменчивую дробь последнего» [1].

Приведенные выдержки в категорической формулировке подчеркивают различие в объеме этих двух категорий: ряд материальных элементов, охватываемых понятием общественного богатства, не входит в состав общественного капитала. К ним относятся, во-первых, средства производства — орудия и предметы труда, принадлежащие непосредственным производителям. Во-вторых, материальные объекты, имеющие не производственное, а потребительское назначение. При этом одна и та же вещественная форма может функционировать в одном случае как капитал, а в другом случае как предметы потребления, входя тогда не в состав капитала, а в состав общественного богатства. В отношении одного из таких элементов — жилых домов — выше приведено прямое указание К. Маркса.

В данном нами определении народного богатства подчеркнуто слово «материальный», ибо человеческий труд, не воплощенный в вещную форму, не может образовать элемента общественного богатства. Элемент богатства должен всегда представлять собой потребительную стоимость: «Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма» [2]. Поэтому изобретения, знания (например, разведанные недра, затраты на исследовательские и разведочные работы, затраты на проектные работы и т. п.), пока они не воплотились в материальную форму, не вылились в определенные материальные объекты, не являются элементами общественного или народного богатства [3]. Знания, качества людей, так же как и сами люди и свободные дары природы, являются *условиями, предпосылками* народного богатства, но не его элементами.

2. МЕСТО НАРОДНОГО БОГАТСТВА В БАЛАНСЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Народное богатство (вместе с характеристикой его распределения) является одним из главных показателей экономической мощи страны и благосостояния ее жителей. Но один этот показатель не может, разумеется, охарактеризовать экономический облик страны. Благосостояние населения зависит не только от объема вещного запаса и материального производственного аппарата, созданных предшествующим трудом, не только от состава и распределения этого накопленного труда, но и от того, насколько эффективно исполь-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 614. Последняя цитата из французского издания «Капитала», имеющаяся в дореволюционном переводе (т. I, СПб., 1906, стр. 560), но не введенная в позднейший русский текст.

[2] Там же, стр. 42.

[3] Практическое проведение этого принципа иногда встречает затруднения, которые разрешаются в соответствии с балансом народного хозяйства (об этом далее).

зуется накопленный труд для создания новых стоимостей, т. е. от естественной производительности природных условий, от организации производства, от суммы производственных навыков, силы и здоровья населения и т. д. — иначе говоря, от всех тех факторов, которые, помимо наличных средств производства, определяют величину народного дохода.

Величина народного дохода также не определяет мощи и благосостояния страны. Ибо если фактическое потребление превышает народный доход как сумму произведенной чистой продукции, то может иметь место проедание прежде накопленных ценностей, т. е. народного богатства, даже при росте народного дохода. С другой стороны, может случиться, что народный доход и народное богатство увеличились, а потребление населения не увеличилось или даже уменьшилось, следовательно, благосостояние снизилось, если, например, в натурально-вещественном выражении чистой продукции большую часть заняли бомбы, пушки и прочее военное снаряжение. Наконец, наряду с ростом народного дохода народное богатство может уменьшиться, а потребление населения, т. е. благосостояние страны, не повысится. Этот гипотетический случай может иметь место при каких-либо стихийных бедствиях, ибо, по учению К. Маркса, убытки, производимые чрезвычайными явлениями природы — пожаром, наводнением и т. д., — должны покрываться из прибавочной стоимости и представляют вычет из нее, т. е. тем самым и из народного дохода. «Или, рассматривая дело с точки зрения всего общества, необходимо, чтобы всегда имело место добавочное производство, т. е. производство в более широких размерах, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства...» [1] Цитированное место непосредственно относится к средствам производства, но оно распространяется и на все общественное богатство.

С. Г. Струмилин в своей интересной статье выдвигает в качестве показателя благосостояния населения и экономической мощи, или, как он называет, экономического потенциала, модифицированный национальный доход, именно пересчитанный в рабочие пайки, принятые за меру потребительной ценности [2]. Как следует из вышеизложенных соображений, один народный доход — безразлично, в непосредственном или в пересчитанном выражении — недостаточен для определения экономической мощи. Лишь совокупность синтетических показателей — народного богатства, народного дохода, народнохозяйственного потребления, связанных между собой и взаимно дополняющих друг друга в балансе народного хозяйства, может охарактеризовать и экономическую мощь и благосостояние страны. Если отвлечься от осложняющих моментов, а именно предположить: 1) что цены в течение года не изменяются и 2) что страна

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 173.

[2] С. Г. Струмилин, К вопросу об измерении народного благосостояния, «Вестник статистики» № 5, 1954.

не участвует в международном обмене и в международных кредитных связях, тогда разность между годовым народным доходом и потреблением страны, за вычетом возмещения от стихийных бедствий, дает как раз прирост народного богатства в принимаемом выше содержании. Таким образом, народное богатство связано с народным доходом следующей формулой: (народное богатство к началу года) + (вновь созданный материальный продукт, т. е. народный доход) — (покрытие ущерба от стихийных бедствий) — (потребление населения) = (народное богатство к концу года).

Если в народное богатство включено и потребительское имущество, то под потреблением последнего понимают его физический износ или выбытие. Если потребительское имущество почему-либо не включено в народное богатство, то под потреблением его нужно понимать переход материальных благ из сферы производства в сферу индивидуального или коллективного пользования.

Из приведенной формулы, представляющей собой весьма упрощенную схему баланса материальных ценностей в народном хозяйстве, уже видно, что категория народного богатства имеет большой познавательный интерес и находит свое место в балансе народного хозяйства. Сопоставление народного богатства, понимаемого как сумма всего накопленного, овеществленного, прошлого труда, с суммой ежегодно вкладываемого в народное хозяйство живого труда представляет и практический интерес. Имеет значение также изучение состава народного богатства: соотношение между стоимостью средств производства и стоимостью потребительских благ, находящихся в непроизводственных ячейках и в индивидуальных хозяйствах населения. Ибо производительность труда зависит не только от вооруженности труда и природных условий страны, но и от культуры, навыков, здоровья и других качеств самого рабочего, а эти качества — и не в последнюю очередь — зависят от продуктов прошлого труда, находящихся в общественном и индивидуальном пользовании населения (сады и парки, школы, больницы, жилые дома, бытовое устройство, культурное обслуживание и т. д.).

Рассмотрение народного богатства как части баланса народного хозяйства, а не изолированно позволяет статистически решать те вопросы о его составе, которые мы осветили, исходя из теоретико-экономических соображений и учения К. Маркса. В самом деле, как можно было бы при балансовом подходе исключить из народного богатства, например, общественное, «бездоходное» и потребительское имущество? Ведь затраты на их сооружение или производство, фигурирующие в валовом продукте и народном доходе, повиснут в воздухе, если они не войдут как прирост ценностей в народное богатство к концу года. Таким же образом, с точки зрения увязки с балансом народного хозяйства, должен решаться вопрос об отнесении тех или других затрат в рубрику капиталовложений.

Те затраты, которые не материализуются, которые только расширяют наши знания или способствуют повышению физических и

духовных качеств населения, не должны (кроме материального имущества) включаться в народное богатство, например: затраты на научно-исследовательские работы, экспедиции, подготовку кадров, геологоразведочные работы, не преследующие целей непосредственного и немедленного строительства. Эти затраты являются предпосылками, условиями для увеличения, но не элементами народного богатства.

Освоение Арктики есть величайшая задача, стоявшая перед человечеством и осуществляемая СССР. Но было бы неправильно, исходя из данного выше определения народного богатства, включать затраты по экспедициям в Арктику в объем народного богатства, хотя эти экспедиции, обогащая наши знания, расширяя кругозор, безусловно будут способствовать и дальнейшему росту материального богатства, будут его обусловливать.

3. КАТЕГОРИЯ НАРОДНОГО БОГАТСТВА КАК ОБЪЕКТ ИСЧИСЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ

А. Понятие народного богатства и его содержание у советских статистиков

Народное богатство России до революции русскими статистиками не исчислялось (см. об этом гл. VI), и, хотя это понятие получило тогда права гражданства в экономической литературе, содержание его не было определено.

В советской статистико-экономической литературе впервые употребил термин «народное богатство» С. Г. Струмилин в своих статьях, относящихся к исчислению отдельных элементов народного богатства, и в «Очерках советской экономики». Далее категория народного богатства вводится С. Г. Струмилиным в схемы баланса народного хозяйства СССР, изложенные им в теоретических статьях, посвященных методам построения последнего.

Автор в своих ранних работах (20-е годы) не дает определения приводимого им термина, не раскрывает его содержания; понятия «народное богатство» и «народное имущество» употребляются им без четкого разграничения. В публикациях 1923 и 1928 гг. он приводит и анализирует сравнительную таблицу народного богатства дореволюционной России и других государств, заимствованную у Мелхолла, данные которой по всем странам включают стоимость земли и прочих природных ресурсов. В статье, опубликованной в 1925 г., он исчисляет стоимость земли как элемент народного богатства [1]. Следовательно, в этом периоде С. Г. Струмилин допускает включение природных ресурсов в состав показателя, называемого им народным богатством.

---

[1] С. Г. Струмилин, Народные богатства России, «Вестник труда» № 6—7 за 1923 г.; К учету народного богатства СССР, «Плановое хозяйство» № 7 за 1925 г.; Очерки советской экономики, М.—Л., Госиздат, 1928, ч. I, гл. I и II.

В дальнейших исследованиях о методах построения баланса народного хозяйства С. Г. Струмилин вводит категорию народного богатства в подлежащее макета таблицы народнохозяйственного баланса: «Народное богатство к началу года» и «Народное богатство к концу года». Народное богатство подразделяется им: на 1) основные фонды и 2) оборотные фонды и резервы [1]. Остается неясным, предполагает ли автор включать в народное богатство природные ресурсы и в каком качестве и объеме. В позднейших же его схемах категория народного богатства из баланса народного хозяйства исчезает, и ее заменяют графы «Материальные фонды и резервы» (соответственно к началу и концу года) [2].

Наконец, в последней своей публикации 1958 г. С. Г. Струмилин впервые дает уже совершенно четкое определение народного богатства, очень близкое к тому, которое было сформулировано нами в цитированной статье 1957 г. и которое мы проводим в настоящем исследовании: «В понятие национального богатства, — говорит он, — мы считали бы правильным включать только материальные блага, стоимость которых определяется овеществленным в них общественным трудом» [3].

Понятия народного богатства и народного имущества как синтетических экономических категорий и как объекта статистического исчисления даны в Словаре-справочнике ЦСУ СССР, а затем в «Курсе экономической статистики» под редакцией А. И. Петрова [4]. Так как определения в этих изданиях идентичны, то остановимся на курсе под редакцией А. И. Петрова. Под национальным имуществом последний понимает совокупность материальных благ, в которых овеществлен накопленный труд многих лет, а народное богатство включает в себя национальное имущество и, кроме того, природные ресурсы. При этом только категория национального имущества допускает стоимостную, денежную оценку. Что же касается природных ресурсов, то они могут быть учтены только в натуральном выражении отдельно по каждому их конкретному виду: так как они яв-

---

[1] С. Г. Струмилин, К теории баланса народного хозяйства, «Проблемы экономики» № 5 за 1936 г., а также «Плановое хозяйство» № 9—10 за 1936 г.

[2] Позднейшие схемы см. в статьях С. Г. Струмилина: «Баланс народного хозяйства как орудие социалистического планирования» в журнале «Вопросы экономики» № 11 за 1954 г. и «К схеме баланса народного хозяйства СССР» в сб. «Ученые записки по статистике» АН СССР, т. I, М., 1955.

[3] А. Л. Вайнштейн, Методы статистического исчисления народного богатства..., «Ученые записки по статистике» АН СССР, т. III, М., 1957, стр. 99; С. Г. Струмилин, Статистико-экономические очерки, М., Госстатиздат, 1958, стр. 464.

[4] «Словарь-справочник по социально-экономической статистике», М., 1944 и 1948 (2-е изд.); «Курс экономической статистики», под ред. А. И. Петрова, М., Госстатиздат, 1954 (1-е изд. курса в 1952 г.), стр. 90. В этой книге, а также в других работах советских статистиков после 1936 г. употребляется в качестве определения не прилагательное «народный», а «национальный» (национальный доход, национальное богатство). Мы оставляем везде термин «народное богатство», а к указанному словоразличию вернемся в следующем разделе этой же главы. Автором рассматриваемого в тексте раздела «Курса» является редактор А. И. Петров.

ляются даром природы, а не продуктом общественного труда, то они не могут иметь денежной оценки.

Категория национального имущества в определении А. И. Петрова как будто адекватна понятию народного богатства, проводимому в настоящем исследовании. Что касается категории народного богатства у А. И. Петрова, которая должна охватывать также и природные ресурсы, то автор не указывает, какие именно природные ресурсы и в какой форме должны входить в содержание и объем народного богатства. С точки зрения физического содержания включаемых в него природных ресурсов это понятие остается у авторов курса неопределенным, а само народное богатство не может быть исчислено как единый синтетический показатель, так как является соединением разноименных слагаемых.

Формулированное выше определение народного богатства и народного имущества некритически повторяет затем ряд советских статистиков, например: А. Гозулов в его курсе экономической статистики, Е. Фреймундт в монографии о статистике народного богатства и др. Однако в курсе «Статистика», одним из авторов и редакторов которого является С. Г. Струмилин, дается другое определение народного богатства: «Накопленные в результате приложения труда материальные блага и вовлеченные в производство природные ресурсы составляют национальное (народное) богатство». И далее: «... прочие не освоенные трудом природные ресурсы являются только *потенциальным* б о г а т с т в о м народа. Они составляют всенародную *собственность* в СССР и подлежат учету, как и все прочие *имущественные* фонды социалистического общества. Но, не являясь продуктами труда, они не поддаются стоимостной оценке и не входят в реальный итог национального богатства СССР» (выделено везде авторами — *А. В.*) [1].

В приведенном определении в части природных ресурсов все же имеется более четкое и ограниченное содержание, чем в расплывчатых и неопределенных формулировках А. И. Петрова и авторов других курсов. Согласно этому в народное богатство включаются не все природные ресурсы, изучаемые статистикой СССР, а лишь те, которые *вовлечены* в производство, а из второго абзаца следует, что включаются лишь природные ресурсы, являющиеся *продуктами труда*, либо те, которые таковыми не являются, по этому определению не входят в реальный итог народного богатства.

Если вдуматься глубже в это определение, то нужно прийти к заключению, что оно ограничивает природные ресурсы в составе народного богатства лишь используемыми сельскохозяйственными землями, лесными площадями, недрами и т. д., и *лишь в той мере*, в какой последние представляют продукт труда, ибо стоимостную оценку (о которой говорится в определении) могут получить только труд и материалы, вложенные в них. Следовательно, это

---

[1] «Статистика». Под ред. С. Г. Струмилина, и др., М., Госстатиздат, 1956, стр. 253.

определение очень близко подходит к нашей категории народного богатства.

Остановимся еще на специальной работе Е. Фреймундт, о которой упомянуто выше. Последняя, следуя в словесных формулировках курсу А. И. Петрова, вносит свои добавления в содержание понятия народного богатства, а вместе с тем и путаницу в комплекс вопросов, с ним связанных.

Во-первых, Е. Фреймундт считает, что в состав богатства общества, кроме разведанных природных ресурсов и накопленных материальных благ, входит еще и весь объем произведенного совокупного общественного продукта за данный период; ибо, как мотивирует автор, «потребности общества удовлетворяются не только за счет накопленного имущества, но и за счет текущего производства материальных благ» (курсив автора — *А. В.*) [1]. Здесь Е. Фреймундт сделала теоретическую ошибку, обнаружив вместе с тем недостаточное понимание как статистической природы рассматриваемого понятия, так и кругооборота всего общественного продукта и процесса его воспроизводства.

Прежде всего народное богатство приурочивается всегда к какому-либо определенному *моменту*, а не к периоду; оно инвентаризуется, так сказать, на определенную дату. Ряд динамики народного богатства — это так называемый моментный статистический ряд, и нельзя включать в его состав объем какого-либо показателя за период.

Далее, потребности общества, вопреки мнению названного автора, вовсе не удовлетворяются за счет накопленного имущества (это было бы проедание!), а — в случае простого и расширенного воспроизводства — за счет текущего производства. Правда, физически в народное потребление за какой-либо период могут входить и входят фактически накопленные ранее материальные ресурсы, но это происходит таким образом, что они замещаются во всех каналах народного хозяйства текущей продукцией, произведенной в этом же периоде. Следовательно, *экономически* — в стоимостном выражении — всегда имеет место потребление за счет текущего производства. Поэтому в народное богатство не может входить текущая продукция за какой-либо период как таковая [2].

Во-вторых, Е. Фреймундт включает в состав богатства социалистического общества только *разведанные, учтенные и вовлеченные в процесс воспроизводства запасы природных ресурсов*: полезные ископаемые, воды (?), гидроэнергоресурсы, земельные площадки и т. д. (курсив мой — *А. В.*).

[1] Е. Н. Фреймундт, Очерки по статистике национального богатства, М., Госстатиздат, 1955, стр. 5.

[2] Некоторые зарубежные статистики в своих конкретных исчислениях (например, Джиффен в Англии) включали, правда, в состав народного богатства (national capital) годовой урожай, но они считали при этом, что в каждый *данный момент* в стране находились запасы продуктов полеводства в объеме годовой продукции, которая в этом случае рассматривалась как среднегодовой объем запасов.

Между тем не все разведанные запасы являются учтенными, и не все учтенные вовлечены в процесс воспроизводства. Какому же признаку отдает предпочтение автор для включения запасов в состав народного богатства? Если взять в качестве конституирующего признака последний, ибо он покрывает собой и первый и второй, то объем природных ресурсов, включенных в этом случае, будет наименьшим. Кроме того, в этой формулировке нас не может не удивить статья «воды» в качестве элемента народного богатства. Неизвестно, что автор подразумевает под этим природным ресурсом, а также какие природные ресурсы охватывает он под тремя таинственными буквами «и т. д.»? Е. Фреймундт ведь не определяет, что значит «быть вовлеченным в производство». Таким путем объем природных ресурсов в народном богатстве вообще может быть безграничен; это понятие становится у автора совершенно неопределенным, не экономическим, а географическим и, следовательно, в данной работе ненужным.

В-третьих, Е. Фреймундт считает, в противоположность мнению большинства видных советских статистиков, что природные ресурсы могут иметь стоимостное выражение, а потому можно получить единую стоимость народного богатства в виде суммы двух слагаемых — национального имущества и природных ресурсов — и даже вводит в предлагаемый ею примерный макет таблицы «баланса социалистического общества» строку «всего» [1]. Но как получить это стоимостное выражение, каковы принципы расчетов стоимости, остается секретом изобретателя. Сам автор при этом отмечает, что «известную условность носят расчеты в стоимостном выражении природных ресурсов, так как земля и запасы ее недр в условиях советского хозяйства не имеют цены». Но как же их оценить в таком случае? И какое значение будет иметь сумма этой условной оценки с совершенно реальной стоимостью материальных благ? Вопреки мнению автора, условная ценность природных ресурсов ни сама по себе, ни в соединении с национальным имуществом не будет иметь никакой значимости ни для определения объема народного богатства, ни при сравнении народного богатства в динамике, ни при сравнении с другими странами вследствие этой условности или, вернее сказать, произвольности.

В-четвертых, Е. Фреймундт считает, со ссылкой на К. Маркса, что понятие «богатство» социалистического общества включает не только материальные блага, которыми располагает народ, но его знания, опыт, искусство и т. п., и далее: «В социалистическом обществе все его материальные и духовные ценности являются *реальным богатством*» [2] (курсив автора — *А. В.*).

В этих высказываниях, как, впрочем, и в ряде других рассматриваемой книги, у Е. Фреймундт налицо смешение двоякого смысла употребляемого ею термина «богатство»: разговорного и богатства

[1] См. Е. Н. Фреймундт, цит. работа, стр. 245, табл. 58.
[2] Е. Н. Фреймундт, цит. работа, стр. 4—5.

как экономической категории. Автор не отдает себе ясного отчета в различных значениях этого слова, часто не оговаривая, в каком именно смысле оно употреблено, или употребляет его как экономическую категорию без соответствующего прилагательного (народное, национальное). Ссылка на К. Маркса, приводимая Е. Фреймундт, толкуется ею неправильно, ибо у К. Маркса искусство населения составляет *предпосылку*, *условие* для богатства, а не само богатство [1].

Между тем, если духовные ценности являются *реальным* богатством, как полагает автор, то их можно инвентаризовать, оценить и, следовательно, включить в общую сумму народного богатства, т. е. скатиться к рабовладельческой концепции некоторых буржуазных статистиков, рассмотренной уже в предыдущем разделе и отвергнутой.

Однако не все советские статистики придерживаются понятия народного богатства, сформулированного в одном из рассмотренных выше курсов статистики. Так, Т. В. Рябушкин дает следующее определение народного богатства: «Все созданные человеческим трудом средства труда, предметы труда и предметы потребления образуют народное богатство. Статистика определяет величину народного богатства на данный момент». И далее он перечисляет состав народного богатства: а) основные производственные фонды; б) основные непроизводственные фонды; в) материальные запасы; г) личное потребительское имущество [2].

Из этого видно, что природным ресурсам в народном богатстве совершенно нет места; категории народного имущества автор также не конструирует, ибо она в данном случае тождественна народному богатству. Концепция народного богатства автора вполне совпадает с нашим определением народного богатства, изложенным выше.

К сожалению, Т. В. Рябушкин, как и некоторые другие статистики, не остался на этой четкой и безупречной с теоретической точки зрения позиции. В следующей своей книге он делает без мотивировки значительную уступку вышерассмотренным авторам в трактовании понятия народного богатства. Т. В. Рябушкин формулирует здесь уже два определения: народное богатство в узком смысле слова, в которое он вкладывает прежнее, вышеприведенное содержание, и народное богатство в широком смысле, которое охватывает и природные ресурсы [3]. Но, сделав эту уступку, автор сейчас же

---

[1] Точно так же, как в выступлениях руководителей партии и правительства, подчеркивается лишь то, что самым ценным капиталом в мире являются люди (см., например, речь И. В. Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии в 1935 г.). Но отсюда не следует, что людей надо или можно включать в состав народного богатства, инвентаризовать их наряду со зданиями и скотом.

[2] Т. В. Рябушкин, Очерки по экономической статистике, М., изд-во «Международная книга», 1950, стр. 113 и сл.

[3] Т. В. Рябушкин, Статистические методы изучения народного хозяйства, М., Госстатиздат, 1957, стр. 29 и сл.

Напомним здесь, что понятие народного богатства в широком смысле, в дополнение к более узкому его пониманию, вводит ряд буржуазных статистиков, в частности один из корифеев современной западноевропейской статистики Коррадо Джини, но последний включает в это понятие и стоимость людей.

отмечает бессмысленность последней категории, ибо «величина природных богатств теоретически безгранична», условная оценка их — «довольно произвольная величина, имеющая очень мало экономического смысла»; «стоимостное выражение материальных благ вне приложенного к ним труда — бессмысленно», «вода и ее движение сами по себе (т. е. без человеческого труда — *А. В.*) ничего не стоят».

Таким образом, выходит, что народное богатство в широком смысле слова не есть научное понятие, не экономическая категория, а расплывчатое выражение, с которым ничего определенного не связано и экономическая значимость которого равна нулю. К чему же тогда вводить это понятие? На этот вопрос мы не находим у автора ответа.

Наконец, несколько слов об официальных статистических публикациях.

В опубликованных статистических материалах ЦСУ СССР, включая последние статистические сборники, изданные в 1956 и в 1957 гг., категория народного богатства отсутствует.

В издании ЦСУ «Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 г.», на которое в дальнейшем будут делаться неоднократные ссылки, приводится таблица «Капиталы Союза ССР на 1 октября 1924 г. в млн. червонных руб.». Однако содержание этого понятия составителями соответствующей таблицы не раскрывается. В опубликованные итоги не включены оборотные фонды — запасы товаров и материалов в каналах производства и обращения, которые в капитал должны были бы войти. В то же время в капитал включены сооружения по городскому благоустройству, часть которых во всяком случае не является капиталом. Некоторые статьи имущества приведены там без учета износа (сельское хозяйство), другие с учетом износа, и даже повышенным (ж.-д. транспорт), что делает совершенно неясным экономическую сущность фигурирующего в балансе mixtum-compositum. Так как и потребительское имущество в указанную таблицу не входит, то ясно, что опубликованный показатель вообще не может быть назван ни народным богатством, ни народным имуществом [1].

В некоторых сборниках ЦСУ СССР имеется колонка фондов, но последняя включает только основные производственные фонды. В статистических сборниках 1956 и 1957 гг. дана табличка относительных величин основных фондов — производственных и непроизводственных. В производственные фонды в статистическом сборнике за 1938 г. (20 лет Советской власти) и за 1939 г. ЦСУ (тогда ЦУНХУ) включило сельскохозяйственные земли, используемые леса, оценило их и просуммировало вместе с постройками, оборудованием и

[1] См. цит. изд. ЦСУ СССР, стр. 175 табличной части. С. Г. Струмилин, приводя и правильно критикуя эту весьма сомнительную таблицу (см. его «Очерки Советской Экономики», Госиздат, 1928, стр. 20—21), неправомерно перекрещивает ее в таблицу народного имущества. К последнему итоги ее имеют, как следует из нашего текста, лишь отдаленное отношение.

прочим материальным имуществом. В остальных сборниках земля и леса в фондах, по-видимому, отсутствуют. Определения категории основных фондов ЦСУ не дает, и содержание этого понятия не раскрыто.

В интересной схеме баланса народного хозяйства СССР, представленной ЦСУ Всесоюзному совещанию статистиков в 1957 г. (докладчик В. Соболь), введена графа «Материальные ресурсы» (на начало и конец года), которая подразделяется на «основные фонды» и «материальные оборотные средства, резервы и потребительские запасы». Так как содержание потребительских запасов не раскрыто, то остается неизвестным, включает ли она только запасы в прямом смысле слова или же все потребительское имущество. В последнем случае содержание названной графы совпадает с нашим пониманием народного богатства.

В этом же проекте схемы баланса имеется и отдельная таблица «Национальное богатство» (приложение к табл. 1). По этому проекту ЦСУ предполагает включить в состав народного богатства, помимо материальных ресурсов, еще земли и леса, причем оценку их производить в фактических и сопоставимых ценах. О целях, методах такой оценки, об экономической значимости результатов подобных исчислений в докладе ничего не говорится.

Теперь можно подвести итоги анализа.

Все авторы считают необходимым исчислять показатель, охватывающий в стоимостном выражении весь овеществленный труд прошлых лет, включая и вложения труда в природные ресурсы. Некоторые (А. И. Петров) предлагают для этой категории термин «национальное имущество», другие (С. Г. Струмилин) — «материальные ресурсы» или «материальные фонды и резервы»; наконец, третьи (Т. В. Рябушкин, С. Г. Струмилин) называют ее народным богатством в узком смысле или просто народным богатством.

Мы считаем, что только последнее наименование, именно «народное богатство», следует оставить за этой категорией и что никакие другие категории, близкие к этому показателю, вводить в экономическую статистику не нужно, более того — вредно, ибо они вносят сумятицу в четкую постановку вопроса [1].

Со статистической точки зрения объединение в одном показателе накопленного овеществленного труда прошлых лет и природных ресурсов невозможно, ибо природные ресурсы как таковые не имеют стоимости в советском хозяйстве.

Механическое же соединение стоимостного выражения материальных ресурсов и природных в физических единицах, различных для каждого вида, есть не что иное, как составление таблицы основных показателей народного хозяйства, в которую можно включать и нематериальные элементы, но которая не

---

[1] На такой же позиции из советских экономистов стоит А. Ноткин (см. его статью «Национальное богатство при социализме» в журнале «Вестник статистики» № 3 за 1954 г.).

представляет собой в целом ни экономической категории, ни статистического показателя, могущего быть исчисленным [1].

Авторы, предлагающие оценивать природные ресурсы, или сами признают бессмысленность и никчемность этой оценки, ее условность или произвольность, что в данном случае одно и то же (Е. Н. Фреймундт), или же по сути дела толкуют не об оценке природных условий как таковых, а об оценке вложений человеческого труда в природные условия — тех изменений, которые явились результатом человеческого труда и могут быть наблюдены и измерены (С. Г. Струмилин). Таким образом, должны оцениваться не девственные леса, а затраты труда на расчистку лесов, лесоразведение, лесоустройство и т. п., оцениваться не недра как таковые, а труд человека по подготовке их к эксплуатации, не водные пространства с их потенциальными рыбными ресурсами, а затраты общества по улучшению и освоению хотя бы части этих ресурсов и т. д. Но это — другая постановка вопроса, с которой у нас принципиальных и крупных расхождений нет: такие изменения природных ресурсов подлежат учету, оценке и включению в состав народного богатства. Природные же ресурсы в собственном смысле, остающиеся за пределами народного богатства, можно, конечно, именовать потенциальным богатством, как то предлагает С. Г. Струмилин, А. Ноткин, а до них еще С. А. Фалькнер, но это понятие не является экономической категорией, и оно не может быть предметом изучения, а тем более исчисления, экономической статистикой.

Конструирование более широкого понятия народного богатства аргументируется иногда необходимостью международного сравнения этого показателя, поскольку зарубежные статистики в свои исчисления включают стоимость земли, лесов, недр. Но этот аргумент несостоятелен. Стоимость природных ресурсов нетрудно вообще исключить из исчислений народного богатства зарубежных стран, ибо она приводится обычно отдельными строками. Наоборот, включение в международное сопоставление природных условий затемняет картину и искажает результаты сравнения, ибо как раз на их оценку в капиталистических странах оказывают большое влияние конъюнктурные факторы.

Сравнение природных условий СССР в международном масштабе возможно и целесообразно лишь в натуральном выражении, причем в сравнение в физических единицах возможно вносить поправку на качество физической единицы (например, качество земли, леса по бонитету, по густоте насаждений, запасов ископаемых по глубине залегания, теплотворной способности и т. п.).

---

[1] Элементы такой таблицы могли бы быть обобщены только в индексной форме для наблюдения динамики страны — в виде тотального индекса, объединяющего собой индексы отдельных элементов; но тогда встанет вопрос о методе объединения отдельных индексов в общий, о способе взвешивания отдельных индексов, т. е. мы опять вернемся к проблеме соотношения отдельных показателей или к тому же вопросу их оценки, который хотели устранить.

Поэтому мы считаем совершенно *ненужной* в экономической статистике какой-либо другой синтетической категории народного богатства. Конечно, статистическое изучение природных ресурсов необходимо, но это изучение не имеет отношения к исчислению экономической категории народного богатства. Климатология и метеорология ведут, например, статистическое изучение климатических и метеорологических факторов, но это не означает, что эти факторы нужно включать в народное богатство страны в качестве элементов последнего.

Поэтому в советской экономической статистике должно исчислять только один показатель — объем накопленного овеществленного труда; но тогда естественно дать ему привычное наименование «народное богатство». Термин «народное имущество», который пытался ввести в статистический обиход А. И. Петров, не привившийся у нас, имеет raison d'être (основание) только тогда, когда рядом с ним выдвигается более широкое понятие. Но так как в более широком понятии, по нашему мнению, нет надобности и в советских условиях оно отпадает, то нет смысла вводить в обиход менее привычный термин «народное имущество» или разделять народное богатство на две категории: в узком и широком смысле слова. Кроме того, слово «имущество» в русском языке имеет юридический привкус, каковой мы не считаем нужным и правильным вкладывать в конструируемое понятие. Против употребления термина «имущество», как юридического понятия, при анализе экономических явлений высказывался ряд советских авторов, в частности С. А. Фалькнер, А. Ноткин. Необходимо учесть также, что именно термин «богатство», «общественное богатство» («gesellschaftlicher Reichtum») употреблял К. Маркс в своих трудах по исследованию процессов капиталистического хозяйства, и с этим словоупотреблением советский статистик должен считаться в первую очередь.

Поэтому в настоящем исследовании, имеющем задачей исчисление рассмотренной категории для капиталистической предреволюционной России, эта категория называется «народным богатством».

Б. Народное или национальное богатство?

В дореволюционной статистико-экономической литературе все авторы, писавшие о синтетических категориях народного хозяйства, употребляли словосочетания: *народное* богатство, *народный* доход. В зарубежной статистической литературе и раньше и в настоящее время исследователи, говоря о богатстве или доходе страны в целом, прибавляют как определение «народный», так и «национальный», при этом в терминологии наметилась некоторая дифференциация по странам. Так, немецкая статистическая литература употребляет только словосочетания: народный доход, народное богатство (Volkseinkommen, Volksvermögen); в то же время в англо-американской литературе мы встречаем, наоборот, за некоторыми исключениями,

термины: национальное богатство, национальный доход (national wealth, national income) [1]. Литература на романских языках (французская, итальянская) предпочитает определение «национальный», хотя иногда встречается и термин «народное богатство» (например, «la richesse d'un peuple» у де Фовилля). Впрочем, у французских авторов встречаются в этом же смысле еще некоторые другие словосочетания, как-то: «fortune d'un pays», «fortune totale», «fortune publique» («богатство страны», «совокупное богатство») и т. д.

В советской статистико-экономической литературе до 40-х годов безраздельно господствовали термины «народное богатство», «народный доход» как в применении к народному хозяйству СССР, так и к капиталистическому. Эта терминология была принята в официальных статистических публикациях и в работах наших известных статистиков (например, С. Г. Струмилина) и в выступлениях некоторых руководителей партии [2].

К. Маркс для синтетических категорий капиталистического хозяйства, относящихся к стране в целом, употреблял, как было указано выше, прилагательное «общественный»: «общественное богатство», «общественный доход», «общественный продукт», которому соответствует русское прилагательное «народный»[3].

Начиная с 40-х годов термины «народное богатство», «народный доход» почему-то исчезают со страниц советских статистических публикаций и из литературного словаря наших статистиков и экономистов, их заменяют выражения «национальное богатство», «национальный доход» без всякой к тому мотивации. В цитированных выше курсах статистики А. Петрова, А. Гозулова, в работах отдельных экономистов — даже тех, которые теоретически правильно раскрывают содержание народного богатства (А. Ноткин), — везде говорится не о народном, а о национальном имуществе, националь-

[1] Таким исключением является, например, Кинг или Ингаллс, монографии которых о народном богатстве озаглавлены: «The wealth and income *of the people* of the United States» или «Wealth and Income *of the American people*», т. е. они употребляют термин *народный*.

[2] См. статистические сборники ЦСУ до 1940 г.: 1) «Социалистическое строительство СССР», М., 1936, таблицы о народном доходе; 2) «20 лет Советской власти», Партиздат, 1937, табл. 1 и 4; 3) «Социалистическое строительство СССР (1933—1938 гг.)», М.—Л., Госпланиздат, 1939, табл. 5, 6 и 7 о народном доходе и другие, более ранние публикации.

Сравни также выступления И. В. Сталина: Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б); Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б); Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г., Соч., т. 12, стр. 264; Соч., т. 13, стр. 308; Вопросы ленинизма, изд. 11, Огиз, 1939, стр. 586.

Отметим, что В. И. Ленин в применении к доходу капиталистических стран употреблял термин «национальный» и «народный». Словосочетание «народный доход» можно найти у него в статье «По поводу государственной росписи», Соч., т. IV, стр. 352.

[3] И, конечно, говоря об общественном богатстве или общественном доходе, К. Маркс не предполагал вовсе сказать этим, что то или другое принадлежит действительно всему обществу, а выражал этим кратко только ту мысль, что указанные категории относятся ко всей стране в целом, а не к отдельным ее частям, отраслям или классам.

ном богатстве и национальном доходе, но аргументация приводится в пользу не термина «национальный», а, наоборот, как это ни странно, в защиту термина... «народный». В самом деле, каждый из перечисленных авторов начинает изложение с указания на то, что только в СССР все богатство и весь доход страны действительно принадлежат народу в отличие от буржуазных стран, где львиная доля и того и другого распределяется среди или в интересах капиталистического класса. После такой преамбулы естественно было бы ожидать, что в советской статистике эти экономические категории должны именоваться «народными», однако такого логического вывода почему-то авторы из своих предпосылок не делают.

Статистические учреждения также «сменяют вехи» и вводят в свои публикации «национальный доход» и «национальное богатство» вместо термина «народный» [1]. Мало того, даже крупнейшие советские статистики, пользовавшиеся ранее словосочетаниями «народное богатство», «народный доход», употребляют теперь для выражения тех же понятий термины «национальное богатство», «национальный доход» (С. Г. Струмилин, Т. В. Рябушкин). По-видимому, смущенные все же явным логическим противоречием между преамбулой и никак не вытекающим из нее термином «национальный», советские статистики добавляют прилагательное «народный» в скобках, вводя его не прямо, а, так сказать, с заднего крыльца (Е. Н. Фреймундт, Т. В. Рябушкин) [2].

Мы полагаем, что нет никаких оснований для такой трактовки термина «народный», как какого-то эрзац-термина, а нужно вернуть выражениям «народное богатство», «народный доход» все те права статистического и литературного гражданства, которыми они пользовались до 40-х годов. И если даже считать спорным применение этих выражений к соответствующим синтетическим категориям капиталистического хозяйства, то уже вполне бесспорным является пользование ими для советского народного хозяйства, ибо в СССР доход и богатство страны принадлежат в прямом смысле целиком народу. Таким образом, в этом случае терминология будет только

---

[1] Ср. позднейшие публикации ЦСУ СССР и его упомянутые последние статистические сборники изд. 1956 и 1957 гг., а также схему баланса народного хозяйства СССР в «Материалах к Всесоюзному совещанию статистиков» в 1957 г., табл. 1 — «Сводная таблица баланса народного хозяйства» — и приложение к табл. 1 — «Национальное богатство». Только в Словаре-справочнике по социально-экономической статистике ЦСУ СССР фигурирует народный доход и народное (в скобках национальное) богатство.

[2] Оригинально поступает в данном вопросе Т. В. Рябушкин. В своей книге «Очерки по экономической статистике», выпущенной в 1950 г. (изд-во «Международная книга»), в главе о народном богатстве он употребляет термин «народное богатство» вперемежку с термином «национальное богатство» (в § 1 и 2 — народное богатство, в § 4 — национальное богатство, в § 5 — опять народное богатство и в § 6 — снова национальное богатство), вероятно, для того, чтобы не было обидно ни тому, ни другому термину.

В позднейшей же работе, вышедшей в 1957 г., автор уже решительно отдает предпочтение национальному богатству, но все же везде вводит рядом с термином «национальное» в скобках «народное» богатство.

приведена полностью в соответствие с предпосылкой. Эту мысль очень четко формулировал выдающийся советский статистик С. Г. Струмилин, и я приведу его высказывания в подкрепление своей терминологии: «...для такой многонациональной державы, как СССР, термин национальный доход или продукт совсем не подходит. И вообще для стран социализма, где весь доход нации m + v служит интересам народа, предпочтительнее называть его *народным* доходом, чтобы тем самым подчеркнуть его *качественное* отличие от национального дохода стран капитализма, где он служит буржуазии, против интересов народа» (курсив автора — *А. В.*) [1].

К сожалению, сам автор цитаты оказался непоследовательным и в дальнейшей своей исследовательской работе не следовал этому предложению [2].

Наконец, last but not least [3]. В защиту термина «народный», а не «национальный» для синтетических категорий, и притом как капиталистического, так и советского хозяйства, можно привести еще следующий довод.

Если вводить в статистику и экономику словосочетания «национальное богатство» и «национальный доход», то необходимо говорить также о национальном (а не о народном) хозяйстве, о национальном накоплении, наконец, о балансе национального хозяйства. Однако никто из наших статистиков не предлагает заменить этими непривычными для нас терминами прочно укоренившиеся в русском научном литературном обиходе выражения: народное хозяйство, народнохозяйственное накопление, баланс народного хозяйства. Между тем так именно и обстоит дело в зарубежной статистико-экономической литературе. Немецкие авторы, которые, как указано выше, употребляют термины народное богатство и народный доход, вместе с тем говорят о народном хозяйстве и народнохозяйственном балансе (Volkswirtschaft и volkswirtschaftlicher Bilanz). Наоборот, в работах англо-американских статистиков, предпочитающих термины «национальное богатство» и «национальный доход», фигурируют термины «национальное хозяйство», «национальное накопление» и «национальная балансовая таблица» (national accumulation, national balance sheet), т. е. наблюдается последовательность в терминологии. Таким образом, советской статистике необходима принципиальная выдержанность терминологии синтетических категорий.

Поэтому мы считаем, что исчисляемая нами категория должна именоваться не национальным, а именно народным богатством.

---

[1] Цит. статья в журнале «Вопросы экономики» № 11 за 1954 г., стр. 25.

[2] Мы имеем в виду упомянутый уже курс «Статистика», вышедший в том же 1954 г., одним из авторов и редакторов которого был С. Г. Струмилин и в котором фигурируют термины «национальный доход» и «национальное богатство», а не «народное». Последнее определение приводится иногда авторами в скобках.

[3] Последнее по порядку, но не последнее по значению (англ. выражение).

4. ОЦЕНКА ЭЛЕМЕНТОВ НАРОДНОГО БОГАТСТВА

Определением народного богатства и раскрытием его содержания не исчерпывается круг теоретических вопросов, связанных с этим понятием. Статистическая задача состоит в суммировании всех разнородных объектов, в своей совокупности составляющих материальное содержание богатства, а это суммирование не может быть достигнуто при помощи физического счета и меры. Экономика знает лишь один универсальный метод оценки — денежный, и исчисление народного богатства предполагает, следовательно, определение денежной стоимости всех элементов, составляющих последнее.

Подавляющее большинство буржуазных статистиков считает, что отдельные элементы народного богатства нужно расценивать по цене, по которой данный вещественный объект может быть сегодня продан, или по доходообразующей стоимости (Verkaufspreis и Ertragswert). Но обе эти категории цен очень близки для вещных элементов, приносящих доход, ибо рыночная стоимость как раз и базируется на величине дохода. Ни действительная стоимость объектов в прошлом, ни стоимость аналогичных в настоящем не интересует буржуазных статистиков.

«Невозможно измерить массу капитала *вне его ценности*, а его ценность может быть исчислена только по его доходообразующей силе», — подчеркивает один из крупнейших английских статистиков Боули. И в другом месте: «Стоимость основного капитала определяется не тем, сколько он стоит, а тем, какой доход он может принести, и он покупается и продается из такого расчета» [1].

Ему вторит Стэмп: «Стоимость капитала (capital asset) не в том, сколько он стоил в прошлом, но в его потоке производства экономических удовольствий, для которых человек готов принести усилия и жертвы» [2].

Для нашего понимания народного богатства оба указанных принципа оценки неприемлемы, ибо такие методы, как уже указывалось, автоматически включают в состав народного богатства всякие «неосязаемые» статьи, монопольные права и пр., т. е. все то, что не должно найти там места [3].

Оригинальный, но тем не менее принципиально неверный способ оценки применил Фарлендер в своем исчислении народного богат-

---

[1] Art. L. B o w l e y, The change in the distribution of the national income 1880—1913, Oxford, 1920, p. 25; The division of the product of industry. An analysis of national income before the war, Oxford, 1921, p. 43 (курсив мой — *А. В.*).

[2] Jos. S t a m p, British incomes and property, London, 1922, p. 377.

[3] Фелльнер (см. цит. доклад его на сессии МСИ в 1902 г.) считает, что монополия или какие-либо ограничения в области транспорта и связи не должны влиять на оценку этих частей народного богатства. Однако, капитализируя доход от почтовой регалии и транспорта в Венгрии, он не исключает из него той части, которая обусловлена государственной монополией, и даже не анализирует этого момента. Так же поступают и другие зарубежные авторы в своих исчислениях при капитализации дохода от государственных предприятий и регалий.

ства Швейцарии для водных источников энергии [1]. Стоимость этих объектов он определяет по стоимости сберегаемого ими ежегодно угля, дающего соответствующую двигательную силу, и полученную экономию он прямо включает в состав народного богатства как стоимость водных источников энергии (почему-то без капитализации этой экономии). Однако стоимость объекта выражается не в количестве сбереженного при его помощи труда, а в количестве затраченного на него труда, а последнее всегда меньше первого. Если идти по этому пути, то можно все машины и орудия, лошадей, даже транспортные средства выразить в стоимости колоссальных количеств сбереженного посредством их труда.

Зарубежные статистики, как правило, берут стоимость производства или сооружения только для тех объектов, которые не могут быть ни продаваемы, ни покупаемы и не приносят дохода (улицы, бульвары, порты и гавани и т. д.), принципиально отвергая оценку по стоимости сооружения или по восстановительной стоимости для всех прочих объектов именно потому, что при такой оценке не могут быть учтены «goodwill» и прочие неосязаемые элементы [2], которые как раз и не надобно включать в состав народного богатства. Однако справедливости ради должно указать, что некоторые методы исчисления стоимости отдельных элементов народного богатства, применяющиеся в последнее время в капиталистических странах, по существу базируются на первоначальной стоимости объекта, т. е. стоимости производства или сооружения [3].

В некоторых случаях эти два принципиально различных, даже противоположных подхода к оценке — по рыночной цене и по стоимости производства — приводят к резко отличной стоимости одного и того же объекта. В качестве иллюстрации можно привести постройки и сооружения на международной выставке в Сан-Луи в 1904 г., строительство которых обошлось в 15 млн. долл., а после окончания выставки они были проданы за 386 тыс. долл., т. е. в 40 раз дешевле[4].

Подходя к цифровому выражению народного богатства как совокупности воплощенного в нем прежнего труда, мы должны были бы оценить отдельные объекты по их трудовым стоимостям, если бы это было возможно. Но трудовая стоимость является, конечно, абстракцией и в действительности не реализуется в отдельных рыночных сделках. Близко к трудовым стоимостям стоят *цены производства*, представляющие собой издержки данного производства (потребленный капитал) плюс средняя прибыль на весь авансированный в производство рассматриваемого продукта капитал. По учению К. Маркса,

---

[1] F a h r l ä n d e r, Das Volksvermögen der Schweiz, Basel, 1919.

[2] Ср., например, аргументацию Кольма в его статье в цит. сб. «Beiträge...» (стр. 46 и сл.).

[3] Мы имеем в виду метод аккумуляции капиталовложений и связанный с ним метод «непрерывной инвентаризации», применяемый в последних исчислениях народного богатства США Гольдсмитом. Этот метод изложен далее (гл. IV, разд. 7).

[4] Приведено у С. А. Фалькнера (Понятие народного богатства и его элементы, «Социалистическое хозяйство», кн. V, 1929).

«... в самом обществе — если рассматривать все отрасли производства как одно целое, — сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их стоимостей» [1].

Из всех существовавших в торгово-промышленном обороте и публиковавшихся категорий цен ближе всего подходят к ценам производства, если брать в масштабе всего народного хозяйства, продажные фабрично-заводские цены. Поэтому мы оценивали отдельные элементы народного богатства по средним продажным фабрично-заводским ценам (loco-фабрика).

Если данный объект не реализовался в торгово-промышленном обороте, то естественно было брать для него денежную стоимость его производства, строительства или сооружения, как мы и поступали.

Когда мы имеем дело с объектами, произведенными или сооруженными давно, или с объектами, для которых условия и техника производства значительно изменились, необходимо брать цены не их производства, а воспроизводства, т. е. оценивать их по восстановительной стоимости с учетом износа на дату исчисления, ибо в этом случае нужно знать, какой *реальный* сгусток овеществленного труда в *данное* время, если исходить из *современного* уровня техники и производительности труда, представляет собой каждый элемент народного богатства, а не тот, который он представлял несколько лет или десятилетий назад [2]. Кроме того, действительная стоимость сооружения может быть иногда по тем или другим причинам преувеличена (хищения, казнокрадство, бесхозяйственность) или преуменьшена (даровой труд), и в дальнейшем, в эмпирической части исследования, мы встретимся с конкретными иллюстрациями этого [3]. Поэтому в случае индивидуальных долголетних сооружений теоретически правильнее брать, если только возможно, стоимость их воспроизводства[4]. При исчислении народного богатства предреволюционной России пришлось прибегнуть к стоимости воспроизводства для оценки ирригационных сооружений в Средней Азии и некоторых других объектов. Иногда только, вследствие невозможности установления восстановительной стоимости, бралась стоимость строительства или сооружения.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 166.

[2] «Когда речь идет о давно построенных железных дорогах, первоначальная стоимость их имеет лишь исторический интерес», — замечает Боули, но вывод отсюда он делает вовсе не в пользу восстановительной стоимости, а предлагает оценивать такие объекты по капитализированному доходу: «... их капитальная стоимость может быть установлена только на основе курсовой стоимости акций» («The Division...», 1921, p. 43).

[3] См. настоящее исследование, ч. II, стр. 239 (сноска).

[4] Е. Фреймундт в указанной выше работе, говоря об оценке элементов народного богатства и имущества, полагает, что оценка их может быть произведена либо в ценах приобретения и установки, либо в сопоставимых ценах (стр. 84). Во-первых, автор забыл об оценке по восстановительной стоимости. Во-вторых, разделение цен на указанные две рубрики логически построено неправильно, ибо не выдержано основание деления (fundamentum divisionis).

Для средств производства, находящихся в руках их использователя, и для потребительского имущества в качестве восстановительной стоимости нужно брать их стоимость для потребителя, т. е. включая издержки транспорта и обращения, которые не учтены в средней цене производства. В подавляющем большинстве случаев для свободно воспроизводимых предметов оказывалось возможным брать средние покупные цены для их конечного потребителя.

Для получения реальной стоимости народного богатства, действительно накопленного труда, необходимо при оценке стоимости отдельных объектов — безразлично, по ценам ли производства или воспроизводства — учитывать их износ. Теоретически необходимо учитывать не только физический, но и моральный износ, так как моральный износ означает либо непригодность вещи удовлетворять данной потребности (например, вследствие изменения моды, метода производства), либо исчезновение самой потребности (нюханье табаку, легковой конный транспорт). В том и другом случае, как указано выше (гл. II, стр. 54), затраченный на эти вещи труд бесполезен и потому не образует никакой стоимости.

Однако факт и величина износа некоторых элементов имущества, особенно износа морального, очень часто совершенно игнорируются иностранными авторами при исчислении народного богатства. Не последнюю роль в этом неучете играет сложность вопросов амортизации и трудность исчисления размеров скидки. Действительно, степень износа часто может быть определена только весьма приближенно и даже условно, но отказаться хотя бы от ориентировочного определения износа или совершенно не принимать его во внимание в той или другой форме нельзя, так как у многих объектов он выражается в значительных суммах [1].

---

[1] В этом отношении статистика СССР также иногда игнорирует момент износа. В статистическом справочнике ЦУНХУ за 1932 г. приведена стоимость производственных фондов за 1928—1930 гг., являющихся, конечно, частью народного богатства. Фонды, действовавшие до начала каждого года, даны в ней по первоначальной стоимости, т. е. без учета износа, а оценка в ценах соответствующих лет произведена только в части фондов, вступающих в эксплуатацию. Таким образом, фонды даны в смешанной оценке (см. «Народное хозяйство СССР», Соцэкгиз, 1932, табл. 2 сводная и стр. XXVII).